В-р. Кичкас
САТАНИЗМ
Соловецкие этюды
Издательство „Набат"
1946

Все права автор сохраняет за собой

В—р К И Ч К А С

С А Т А Н И А Д А

[Соловецкие Этюды]

Легенда
Соловки в калейдоскопе
Попов остров
Соловецкие чайки
Ее глаза

Отдел литературы русского зарубежья

Фонд Русской Зарубежной Книги
НТС и "Посев"
им. А. П. Тимофеева

ИЗДАТЕЛЬСТВО »НАБАТ«
1946

Вместо предисловия

Алый цвет

/ЛЕГЕНДА/

Люди влекомые слепой непреодолимой силой желаний, массой стекались к подножью недоступной горы и тупо уставившись взором, смотрели не её вершину, где ярко-пунцовые, как не-запекшаяся человеческая кровь, горели лепестки алого цветочка.

Эти люди, были жадны ко всему, что подавало надежду на легкую жизнь и счастье, которых не надо было добиваться упорным и тяжким трудом. Они были вечно недовольны, им трудно было угодить и совершенно невозможно было их удовлетворить.

Когда голодными они получали пищу, тонасытившись, бізжалостно и безрассудно уничтожали её остатки. А попадавшимся счастьем не умели дорожить и смеясь над ним, с животной радостью топтали его.

Любовь и веру они проклинали, а жили только надеждой...

И вот, явился к ним тот, чьё имя вызывало страх и ужас, а дела его - отвращение, но он сказал:

- Я знаю в чем символ жизни. Мне ведом путь к бессмертию и только я могу указать вам дорогу к славе и к торжеству над ближним... Тот цветок, что видете вы, таит в себе элексир жизни. Листья его оденут вас, а сок напоит. Роса оседающая на нем - творит алмазы и запах вселяет любовь. Я поведу вас... Во имя поколений. На муки сладкие за власть над вселенной, для счастья ваших детей и правнуков - За мной!

И поверив ему, - в алчном порыве, сметая преграды рассудка, ввергая в свой мощный поток здоровых умом, невинных душей и чистых сердцем, - ринулись массы за ним...

Бездны с теряющимся в черной мгле дном, лавины низвергающихся на головы камней, скалы вечных истин, грозы откровений и мрак неизвестности - не остановили их.

Казалось, цель достигнута...
Цветок в руках!

...В их руках колючий будяк, иглы которого нестерпимо больно жалят. Его листья, от одного взгляда на них - ослепляют, запах делает человека безумным, а роса оседающая на нем - отравляет.
- Он обманул!

В яростном гневе повернулись люди к приведшему их в царство ада...
А он смотрел на них и смеялся...Ураганом неочистий валил его хохот людей; побеждал их и заставлял смиряться...

Боясь гнева его, они научились славить имя его. И дети их рождались в неволе...Не зная света - они прославляли тьму!
Ложь, коварство и злобная ненависть овладели ими.
Не многим удалось сохранить в себе нетронутыми ржей зерна любви, человеческого достоинства и чести...Он ненавидел и боялся таких - выискивал их, травил и уничтожал.

А людям вне ада, удары бедствий там, чудились музыкой райского веселья и новые толпы их приближались к месту, откуда, вдали, на вершине бед, - завывающе, - яркой звездочкой блестел алый цветочек.

Только тот, кто пожирает все живое и растущее, может направлять на путь, поддерживать и оправдывать средства ведущие человечество к страданиям, нужде и горю, становящимися привычкой.

Соловки в калейдоскопе

"Соловки открыл монах Савватий,
Был наш остров дик и нелюдим"...

Начало пятнадцатого века.

Серое и тяжелое, как расплавленный свинец, море.

Рыбачья ладья с обвисльми, примитивными парусами. На веслах обросшие, в грязных лохмотьях карелы-поморы. Равномерно поднимаются и опускаются весла. Слышен легкий всплеск воды. На носу лодки в застывших позах стоят два монаха, их бороды свисают до самой груди, а глаза неподвижно устремлены вперед. Они напоминают собою надгробные статуи, какие теперь редко, можно встретить на старинных кладбищах. Вдруг глаза одного из монахов оживились, взгляд стал пронзительным и жестким; резким движением поднял он руку и протянул показывая ею перед собой.

- Вон она, земля о которой мы так много слыхали.

На горизонте темной дымкой показался остров, почти в центре его виднелась небольшая гора. Над горою начало светлеть, как сияние над головами угодников, потянулись острые, яркие лучи и вслед за ними появилось огромное желтое солнце. Монахи осенили себя широким двуперстным крестом и низко поклонились.

- Сам Бог указывает нам путь, Зосима. Ему угодно, чтобы мы направили туда свои стопы и там, в молитвах смиренных просили бы Его отпустить нам тяжкие грехи.

- Смотри отец Савватий, волна бежит навстречу. Не послана-ли она адом, чтобы нас на остров не допустить, а может быть, святыми небесными отцами направлена с приветом.

Испуганы лица гребцов. Они забрасывают весла на борт и в страхе прижимаются к сидениям. Ладья запрыгала на волнах...

Масса воды опрокинулась на судно. Вскрикнул помор державший руль и увлеченный водной стеной скрылся в пучине. Зосима бросился на корму и поперек повис на длинном держале руля, выправляя ход лодки, которую в этот момент высоко подняло волною.

Открылся широкий горизонт и близкий остров вырос впереди темнозеленою стеной. Несколько, все меньших и меньших волн и море снова стало спокойно.

Поднялись карелы и неистово начали бранить монахов, обвиняя их в гибели своего товарища. Не отвечая, Зосима смотрел на море. Вдруг он склонился через борт, схватил свисавший с него в море канат и потянул. Несколько рывков и на конце каната, запутавшийся в его узлах ногою, показался выброшенный за борт рулевой... Безрезультатно откачивали. Ропот против монахов становился все сильнее. Зосима склонился над телом утопленника и долго смотрел в его лицо. Утонувший вздрогнул, открыл глаза и встретился с взглядом монаха...Поморы стали перед монахами на колени, умоляя о прощении. Зосима их благословил. Перекрестившись нагнулся Савватий, поднял заброшенную прокатившейся волною, плескавшуюся на дне лодки, рыбу и высоко воздев руки, протянул ее в сторону солнца, яркими лучами озарявшего приближающийся Соловецкий остров.

- Бог дал день, дал и пищу. Да будут благословенны знамения Его.

Рыба зевнула, забилась в предсмертном трепете и, сжатая давившими ее пальцами, затихла.

" "

Прошли года.

Слава о благочестивых старцах Савватии и Зосиме и о прекрасных природных и климатических условиях на Соловецком острове распростра-

нилась по материку. В одиночку и группами пробирались к берегам Белого моря люди искавшие спасения от мирской суеты. Они переправлялись на остров, постригались в монахи, строили деревянные избы и церкви. Промышляли дикого зверя и птицу, ловили рыбу, били нерпу и тюленей. Вели прибыльную торговлю с жителями острова и большой земли.

Монашеская община росла и крепла.

-:-

Однажды осенним утром, на крутой горе столпились местные жители и в страхе смотрели на лежавшую без чувств карелку. Через её порванную одежду виднелось голое тело, покрытое глубокими кровоподтеками.

Когда вокруг несчастной собралось почти все население острова, монахи об'явили им, что сегодня ночью с неба спустились два ангела, перенесли на гору потерпевшую и высекли её. "Остров этот святой и на нем могут жить только люди посвятившие свою жизнь Небу. Богу не угодно, чтобы женщины оставались на нем. Они сеют порок и искушение и поэтому должны быть изгнаны с Соловков. Да будет преподанный урок суровым предупреждением для тех, кто посмеет ослушаться веления Всевышнего"...

В ознаменование этого происшествия, гора была названа Секирной и на самой вершине её поставлена часовня, а позднее сооружен монастырь. До сих пор на Соловках в домашней церкве и комнатах принадлежавших настоятелю /превращенных в Музей, можно увидеть много старинных икон изображающих историю обоснования на нём монахов, их угодные Богу дела и ангелов, спускающихся с неба с розгами в руках, бекущих женщину и прогоняющих карелок и карелов с Соловков.

С тех пор монахи стали единственными и полновластными хозяевами всего острова /размером, приблизительно, в 500 кв. километров/ и значительно меньших: Анзерского, Большой Муксолмы и Малой Муксолмы. Омывающий острова небольшой рукав теплого течения /Гольфштром/ проникающего в

Белое море через Кольский пролив, сделали его по-истине райским местом в этом суровом приполярном крае.

Инициатива, прекрасная организация и упорный труд монахов, превратили Соловки в экономический и культурный центр всего тогдашнего глухого севера России. Во время царствования Иоанна Грозного, на берегу удобной для стоянки судов небольшой бухты, была закончена постройкой каменная крепость-Кремль.

Большая отдаленность от центра государства и совершенно неустроенные пути сообщения, целыми столетиями делали Соловецкую обитель почти самостоятельным церковным центром, лишь формально подчиненного Москве.

Сюда бежали искать защиты и находили ее, люди преследовавшиеся за политические убеждения, беглые крепостные и даже раскаявшиеся разбойники. Но больше всего на Соловки стекалось противников церковных реформ, особенно, во время патриарха Никона. Соловецкие монахи сами категорически отказались от исправленных Никоном книг и продолжали совершать церковные службы по старому обряду. Фанатический приверженец двуперстного креста, протопоп Аваакум, также нашел здесь свое пристанище. Царь Алексей Михайлович, в 1668 году послал даже войско для подавления сопротивления непокорных соловецких монахов. Шесть лет упорной осады понадобилось для того, чтобы взять Соловецкий монастырь. Только в 1676 году, благодаря измене нескольких монахов указавших цароким воеводам тайные подземные проходы под кремлем, удалось сломить сопротивление черных воинов. Соловецкие монахи были сурово наказаны, а многие из них окончили свою жизнь в сырых и тесных каменных мешках, устроенных для узников в крепостных стенах монастыря.

Царь, Петр Первый в поисках путей для водной связи с Европой, также побывал на острове и в ознаменование, главные ворота кремля Соловецкого монастыря названы "Царскими".

-:-

Серебряным звоном разливались звуки сотен соловецких колоколов в Пасхальный канун тысяча восемьсот первого года. Стройные ряды монахов заполнили огромный собор и их пасхальные песни повторенные тысячеголосым эхом, плавали в сводах куполов. Мерцали огни свечей и суровы были лики святых, смотревших с икон на молитву отшельников. Пахло воском и ладаном. По телу расплывалась приятная теплота, а на душе становилось легко и спокойно. Вечный покой овладевал сознание...

Тихо и мрачно в тунелях ведших в глубокое подземелье.

Смоляные факелы отбрасывали на стены неспокойный мигающий свет и вспыхивали и шипели от брызг попадавшей в них с потолка воды. Тени монахов метались по стенам, и в испуге прятались в норы, черные крысы. Дорога в ад навряди была страшнее...

Ударили молоты, зазвенела упавшая цепь и упираясь головою о каменный потолок, поднялся старик. Белые волосы и белая длинная борода. Опираясь о плечи монахов он еле переставлял ноги медленно подвигаясь к железным дверям, ведшим на Божий свет...

Расступились молящиеся. Пропустили вперед, многим из них знакомого, старца - они видели его только в эти Великие дни уже двадцать пять раз. Но, странное дело... архимандрит вышел вперед и ему первому сказал: "Христос Воскрес!" и трижды с ним облобызался; взял его правую руку, поднял её вверх и провозгласил: "Великий царь всея Руси, Александр Первый, прощает твои грехи. Последний кошевой запорожской сечи, Петр Кальнышевский, отныне ты свободен и куда хочешь можешь итти".

- Поздно, - ответил старик, - мой грех был только в том, что я любил свою страну. Мне уже сто десять лет. Я здесь ослеп и здесь ему отдам свою душу.

Стены Соловецкого Кремля и его пяти больших и нескольких меньших башен были сложены из огромных валунов весивших, иногда, по несколько тонн каждый. Западная стена Кремля выходила к морю, восточная и южная омывались пресноводным "Святым озером", а вдоль северной, был вырыт глубокий ров наполнявшийся водою из озера. На башнях и стенах были установлены пушки, а внутри Кремля построены каменные церкви, дома с келиями для монахов, и позднее, гостиницы для тысяч приезжавших туда каждое лето, богомольцев.

" "

Снова гремели колокола.

Вот, уже, третьи сутки, как беспрерывно, днем и ночью гудит набат.

Стоны раненых и их предсмертные вопли сливаются с грохотом пушечных выстрелов и тонут в непрекращающейся трескотне ружейной перестрелки. Дырявят и разрушают пушечные ядра монастырские постройки, но, как мячики отскакивают от каменных крепостных стен.

Третие сутки доказывают монахи, что могут быть не только смиренными послушниками, но когда потребуется, смогут стать и достойными противника, воинами.

Монастырь не сдастся.

Резкий, пронизывающий душу звук разбитого колокола заглушил на мгновение канонаду и не у одного храбреца выжал из глаз слезу от жалости к разбитой святыне. Еще суровее нахмурились брови и еще крепче стала их воля к победе.

Уже небо покрылось вечерней зарею, когда на стенах Кремля, невзирая на стрельбу, с хоругвами показалась торжественная процессия. Тихая молитва неслась к небу, а лучи заходящего солнца ярким сиянием отражались в золотых иконах.

Оторвал подзорную трубу от глаз адмирал британской эскадры и дрожащим от волнения голосом сказал: "Осаду прекратить, кораблям сняться с

якоря и в родные воды отплыть. Здесь не крепость, а монастырь - его берегут святые".

Так соловецкие монахи в 1854 году отстояли свой остров от зашедших в Белое море военных судов английского флота.

" "

Соловки превратились ещё и в мощный, по тому времени, оборонный пункт.

Монахи соединили каналами все озера острова и пользовались ими, как средством передвижения и для регулирования уровня воды в озерах. К двадцатому веку на островах, кроме кремлевского монастыря, были построены большие каменные монастыри: на Секирной горе, Савватиевский, Исаакиевский, на горе Голгофе на острове Анзерском и на Большой и Малой Муксолмах. Последние два острова соединены с Соловецким островом каменными дамбами. Выстроили механический и кожевенный заводы, сухой док, электростанцию, судостроительные мастерские, - выпускавшие морские рыболовные шхуны, - и много других промышленных предприятий. Кроме того, на Соловецком острове ими построена довольно значительная сеть узкоколейной железной дороги; кирпичный завод, деревообрабатывающие мастерские, сельско-хозяйственные усадьбы, рыбный завод, пекарни, бани и пр. Все это обслуживалось исключительно самими монахами, заполняло все их свободное от молитв время и создало им экономическое благополучие.

"

" "

"Здесь УСЛОН раскинул свои сети,
В эти сети прет восторженный народ"...

Шло время.

Менялись люди, но не изменился облик Соловецкого монастыря. И только гражданская война впервые занесла сюда беспокойство: "Как-то будет?".

Приезжали на остров чекисты, подозрительно осматривали монастыри, высокомерно разговаривали с настоятелем, устраивали пограничные посты и оставили на острове свои отделы.

В 1923 году, однажды ночью, Соловецкий кремль озарился сгнем пожара. Дым клубами поднимался над монастырем, а пламя сжигало деревянные строения.

Пожар потушили. Он уничтожил кровли двух башен и незначительные постройки. Но этого было достаточно, чтобы обвинить монахов в несостоятельности по сбережению народного добра. Охрану и полный контроль над монастырем переняло на себя ОГПУ.

Палец попал в рот и ничего не стоило теперь втянуть в него всю руку.

В том же 1923 году из ведения монахов были изъяты все незанятые ими под церкви и келии, помещения и в них поселены первые партии контрреволюционеров и уголовных преступников.

"

" "

- Ваше сиятельство, обед подан.

Князь Оболенский на минуту прервал свое занятие, потом, последний раз с силой провел ногтем большого пальца по шву сюртука, брезгливо поморщился, отбросил сюртук, сплюнул на ноготь и вытер его о штаны.

- Боже мой, откуда только эта гадость берется, ведь с'едят живьем, проклятые, - и полез рукою в карман.

- Не извольте беспокоиться, ложки не потребуется. Можно прямо из банки хлебать.

Князь взял в руки ржавую консервную банку, посмотрел в нее и задумался...Два дня он почти ничего не ел. Этапный конвой отобрал не только всю посуду, но даже срезал последние пуговицы с штанов, чтобы не убежал, а в карантине давали похлебку только в посуду заключенных, - а где ее взять? Хлеб, тоже - на десять человек одну буханку.

да беда не в этом,беда в том,что и этой десятой доли еще ни разу ему не досталось.А получалось это вот почему:перед раздачей всех загоняли в барак.Теснота и давка создавались ужасные.Раздатчик давал хлеб в руки первого от него стоявшего,пропускал его на двор,а в след за ним,в шею выталкивал туда же еще девять.Ну,ясное дело,пока последние выскочат,а первого и след простыл,затесался в толпе,спрятал хлеб,а может и передал кому,- кто его знает,- да и его самого разве узнаешь?Мечешься по двору из угла в угол,подскочишь к тем,что делят:"Скажите,я не в вашем десятке?"а они смеются,а то и пинка дадут:"Проваливай пока не навешали,а то и пришить можем".Бандиты и жулье.Князь вздохнул.

- Может быть ваша светлость брезгует и не хочет кушать потому,что супник не из чистого серебра?Не обессудьте же вашего покорного слугу,в мусорной яме лучшего не оказалось.

- Ах,оставьте шутить Алексей Сергеевич,я теперь такое же сиятельство,как и вы - ваше превосходительство.А за банку спасибо.

- Как вы думаете князь,переселят нас в конце концов в монастырь,или нет?

- Нет.За те два месяца,как Соловецкий монастырь превратили в концлагерь,в самом монастыре столько поместили людей,что там даже на площадях под открытым небом не найдется места прилечь на ночь.По крайней мере здесь так говорят.Я думаю,что нас будут просто убивать и закапывать.

- Эге,этак еще через два месяца на острове и земли для могил не хватит...Кажется к нам идут.

Действительно,к сидящим на пригорке у деревянного барака "бывшим людям",подошли два охранника.

- Борода,ты генерал што-ли?

- Так точно.

Идем в контору,взводным сделаю.С этой шпаной ладу не дашь,а тебе не привыкать морды бить...

-Позвольте,но я...как же так...

- Цыц.Говорят иди,значит,точка.Пришлют наших,тогда отправим по назначению.Тебе в запретной роте сидеть приписано,факт.Будешь стараться-живым будешь.Ну,марш...Отведи его Дукин,скажи, я прислал.А ты,граф,айда в строй,пойдешь с урками на командировочный пункт лес рубить.Точно.

"

" "

"Край наш,край соловецкий,
Ты для казров и шпаны прелестный
край.
Смело,с улыбкой детской,
Песенку про лагерь запевай"...

В первый год организации Соловецкого концлагеря,на остров было завезено более десяти тысяч заключенных,состоявших преимущественно из лиц привилегированных сословий и высших военных чинов бывшей Российской империи;из высшего и среднего духовенства и уголовников.Когда кельи монахов были переполнены,заняли под помещения концлагеря и церкви.Значительная часть заключенных была занята работой на соловецких заводах,в мастерских,в зверобойном промысле и пр.Иеоные же работы на острове носили лишь подсобный характер.Администрация лагеря,за исключением начальника СЛОН,была составлена из заключенных.

До 1930 года,старшими начальниками внутренней охраны на Соловках,командирами пунктов и рот,были провинившиеся чекисты и главным образом,бывшие офицеры царской армии.Они обладали огромной властью и пользовались ею почти без ограничений.И если были понятны изощренные издевательства над подчиненными,заглаживавших свою вину и выслуживавшихся,первых,то горькой иронией было то,что значительная часть последних,лишенных воли еще с первых дней революции,ненавидевших большевизм,но не имевших возможности вести с ним открытую борьбу,пере-

неола свою ненависть на заключенных, попавших в неволю уже советскими гражданами и мстила им за свою судьбу. Эти люди, поощрямые системой управления лагерями ОГПУ и местным вольным начальством, в свою очередь поощряли низменные инстинкты уголовного элемента и превратили в настоящий ад и без того тяжелую жизнь в концлагере.

" "

"Хороши по весне комары.
Чуден вид от Секирной горы -
Здесь, от всяких ненужных работ,
Отдыхает советский народ"...

Весною 1930 года, когда вести об исключительной жестокости в обращении с заключенными на Соловках проникли даже заграницу, неожиданно прибыл из Москвы начальник ГУЛАГ'а, Ногтев с высшими чинами ОГПУ. Они выключили телефонную и телеграфную связь с островом, произвели там массовые аресты среди вольного лагерного начальства и комсостава из среды заключенных и внезапно появились на острове. Здесь они, так-же, в первую очередь заняли телефонную станцию, расставили свои посты и прервали всякое сообщение по острову. Они неожиданно заходили в концлагерные роты, удаляли весь комсостав и вызывали заключенных на откровенные жалобы.

-:-

- Молчать... Смирно! Товарищ...

- Отставить. Во-первых я вам не товарищ, а во-вторых, почему у вас такой расхлябанный вид? -отчеканивая каждое слово, проговорил вошедший со свитой в арестанскую роту, чекист с тремя ромбами на малиновых петлицах. -Вы командир роты?

- Я комвзвод... Гаврлов, поклич ротного.

Вправляя на ходу в защитные галифе сорочку, шлепая одетыми на босые ноги галошами, появился ротный и заспанными глазами уставился на пришедших.

- [illegible]

Несколько заключенных приглушенно засмеялись.

Комроты повернулся в их сторону и с размаху ударил в лицо ближнего.-"Дисциплины не знаете, хихикать вздумали?...Я комроты...

Ногтев повернулся к одному из сопровождавших его военных:

- Арестовать и вывести...Командный состав роты,ко мне...Выйдите из помещения и не подходите к нему близко пока вас не позовут.Марш... и к заключенным:- Граждане,рабоче-крестьянское правительство не карает,а исправляет правонарушителей,но проникшие на командные посты в исправительно трудовых лагерях,закоренелые враги советской власти и агенты иностранных разведок,искусственно насаждали среди вас ненависть к нам.Нас прислали партия и правительство установить в лагерях для временно лишенных свободы революционный порядок.Мы предлагаем вам откровенно рассказать нам об обидах и непорядках,которые подлежат искоренению.

Вся рота затихла.Запахло чем-то новым,но чем именно,понять пока было нельзя.Имя Ногтева было слишком хорошо известно здесь,чтобы верить в искренность его проповеди о милосердии.Во-всяком случае,сперва осторожно и намеками,не попасть бы в хитрую ловушку,но затем,под давившей тяжестью пережитого в лагере - все смелее и смелее полились слова заключенных о кошмарной действительности в соловецком концлагере.

- Бьют от зари до захода солнца.Бьют чем попало и по чем попало.Бьют по малейшей причине и без всяких причин...

- Работать заставляют и стариков и больных, до упаду.Утром есть не дают.Днем дают кружку баланды и двести грамм хлеба,а вечером столовую ложку каши,и все.

- Вши заели.В баню не водят.Клопы не дают спать.

- Вещи разворовали.Жаловаться некому,а пожалуешься ротному,опять бьют.В карцер сажают.

В изоляторе на Секирной горе, на жердочках сидеть заставляют, а зимой обливают водой и там же, на маяке запирают.

И только урки упорно отмалчивались. А когда их спросили, ответили:

- Пузыриться есть с чего это фактически. Даже в тюрьме лахвы больше, там и фараоны тише, да и винта нарезать оттуда, когда не в терпеж, можно. А здесь амба нам. Лягавые, точно суки накидываются, сколько не втыкай, все равно с копыт сползешь... Мы, как честные советские заключенные, просим вас, товарищ начальник, обратить особое внимание на наше аховое положение...

Когда первый поток жалоб несколько утих, Ногтев сказал:

- Можете быть уверены, что все вами сказанное будет учтено и виновные понесут суровое наказание. Соловецкие концентрационные лагеря должны превратиться в трудовые лагеря. Страна стала на путь индустриализации, она требует напряжения всех сил для достижения поставленной партией задачи - догнать и перегнать экономически все передовые капиталистические страны. От вас требуется сознательное включение в эту грандиозную работу. Добросовестным трудом вы должны доказать, что достойны снова стать свободными и равноправными гражданами нашей великой социалистической страны трудящихся.

Ларчик открывался просто: теперь мало было работать, потому, что сидишь, теперь требовалось сидеть для того, чтобы работать.

Отсюда все изменения произошедшие позднее на Соловках.

-:-

Когда пароход "Глеб Бокий" с чрезвычайной комиссией ОГПУ и с арестованными ими лицами уже отчаливал от пристани, Ногтев пригласил прыгнуть к нему на палубу, провожавшего его, начальника управления Соловецким островом, Залкина и арестовал его.

В самом ГУЛАГ'е, также произвели чистку. И с

тех пор бесследно исчез безграничный властелин над жизнью и смертью сотен тысяч заключенных, начальник северного отдела ГУЛАГ'а, Глеб Бокий, любивший повторять, что когда он учился, то его профессора часто наказывали, а теперь он учит и наказывает профессоров.

Пароход "Глеб Бокий", на котором, вместе с баржей "Клара", перевозили заключенных с Кемь-пристани на остров, переименовали в "СЛОН".

С этих пор открытое физическое издевательство над людьми на Соловках, уступило место известным методам общесоветской моральной перековки, а физическое истребление не поддававшихся перевоспитанию заключенных, перенято на себя исключительно ИСЧ /Информационно-Следственная Часть/ - ГПУ в концлагере ГПУ.

Соловки, как в зеркале начали отражать прогресс советской действительности.

"

" "

"Здесь смешалось всё:
Фрак, армяк и блуза.
Здесь смешались все
Без цвета и лица"...

Солнце начало светить во всю ивановскую.
Народ заставляли ликовать и хлопать в ладошки

Поражение троцкистской и бухаринской оппозиций, дали тысячи заключенных. Индустриализация страны, начавшаяся с крупных процессов: работников Центрального Управления НКПС, Шахтинского и др., привела в концлагерь, кроме непосредственных подсудимых, еще новые десятки тысяч людей. Наступление социализма на деревню, - сплошная коллективизация, - отправили туда уже сотни тысяч не желавших воспользоваться счастьем радостного труда в колхозах.

Соловецкие острова переполнились до отказа. Новые этапы, на ряду с интеллигенцией, привозили сюда хлеборобов из Украины и Белоруссии,

пастухов из Казахстана и Туркмении, крестьян из Узбекистана, Армении, Грузии и Крыма, казаков с Дона, Кубани и Терека, почевников из Якутии, киргизов из Астраханских степей, цыган из Приднестровья и прочих хозяев "необ'ятной родины своей".

Под Соловецкий концлагерь давно уже занята была вся территория Карелии от Мурманска до Ленинградской области и даже там, до города Лодейное Поле, на юг и до г. Онеги, на восток.

Осенью 1928 года Управление Соловецким концлагерем было перенесено в город Кемь, а сам остров стал лишь одним из его отделений. В июне 1931 года, для удобства в руководстве добычей лесоматериалов для экспорта и дров для промышленных предприятий Ленинграда, СЛОН был разделен на самостоятельные концлагери: Соловецкий, Мурманский и Свирьский, а с началом строительства Беломороко-Балтийского канала, и на "Беломорострой". Сам же Соловецкий остров превратился в центр, куда ссылали только особоважных, имевших большие сроки политических преступников для изоляции; в ремонтный пункт для слабосильных, выбывших работой, - заключенных и в карцер и следственный отдел для концлагерников совершивших неудачные побеги, или другие преступления подлежащие особому разбирательству.

"

" "

Окутанное легким голубым туманом, колыхалось в воздухе над кремлевской башней, красное полотнище флага.

Последний вольный монах, последний раз обводил прощальным взором монастырские стены бывшего Соловецкого монастыря на бывшем святом острове.

Пятьсот лет и два года прошло с тех пор, как Зосима и Савватий впервые высадились на Соловках.

Соловки... Имя это, вызывавшее столетиями

глубокое уважение и бывшее символом чистоты и веры, привлекавшее к себе тысячи паломников, искавших здесь очищения совести и утешения - стало теперь страшным названием, вызывающим трепет и ужас. Соловки стали нарицательным именем определяющим беспомощность перед бесправием, мучения и человеконенавистничество. "Кто не был на Соловках, тот будет, а кто был - во век не забудет". Слово "соловецкий" повторяется тайком и приобрело в народе такую же широкую популярность, как официальное, - на собраниях и в печати, - "советский".

Монах перевел взгляд на пристань - сотни людей окруженных конвоем, ожидали погрузки на приготовленный к отправке пароход. Вместе с ними, предназначенными для работ в новом Свирском концлагере, уедет и он. Сейчас он еще вольный, но кто может знать, что ждёт его впереди. Может быть и ему судьба готовит такой же печальный конец, какой постиг его собратьев по кресту. А конец их был действительно печальным.

Вскоре после занятия Соловков под концлагерь, большинство монахов под предлогом невозможности прокормления их на острове, было переправлено на материк, а пытавшихся протестовать, арестовано и сослано в другие концлагеря. На острове осталось не более ста монахов, которые были необходимы, как специалисты для руководства работами в мастерских, в доке, на каналах, в рыболовном хозяйстве и по добыче морской капусты для цынготников и водорослей шедших на приготовление иода. Для них, на острове Анзерском, на Пункте "Савватиево" и в других местах соловецкой обители были оставлены небольшие часовни и разрешено отправлять там церковные службы. В самом Кремле, где было сосредоточено наибольшее количество вольных монахов, чекисты сохранили нетронутыми и предоставили в их полное распоряжение собор, жилые дома с келиями и небольшой отгороженный от остальной части монастыря вы-

соким деревянным забором, двор с отдельным выходом из него в бухту через маленькие ворота в северо-западной стороне крепостной стены.

К 1930 году, когда из заключенных было подготовлено уже достаточное количество необходимых на Соловках специалистов, монахов лишили их пристанища в кремле, а в 1931 году конфисковали, наконец и деревянную кладбищенскую церковь.

Восемьнадцатого июня 1931 года покинул Соловки последний свободный соловецкий монах.

Когда пароход в этот день вышел из бухты в открытое море, ветер подхватил песню работавших на берегу концлагерников и донес к нему последние прощальные слова соловчан:

"Всех, кто наградил нас Соловками,
Просим:- приезжайте сюда сами,
Поживете здесь годочка три, или пять -
Будете с восторгом вспоминать!"

Попов остров

"Соловки, Соловки - дальняя дорога,
Сердце ноет и болит, на душе тревога"...

Не весело шагали они от станции Кемь до "Попова острова".

Солнце матовым кругом расплылось по серому небу и молочно-белой рябью лениво отражалось в придорожном болоте. Голо, неприветливо и тоскливо выглядел окружающий пейзаж: зеленые от мха глыбы камня, карликовые, похожие на саксаул ели, пучки ржавой травы, вода, вода и вода. Пахло гнилой рыбой и большой бедой...

"Дзинь-бом, дзинь-бом,
Слышен звон кандальный.
Это на каторгу товарищей ведут"...

затянул кто-то протяжно в первом ряду.

- Эй, ты, залетный соловей, заткнись, успеешь еще наплакаться.

- Подтянись! -ись, ись-ись - разнеслося эхом.

- Ох, нет моих сил больше. Чувствует сердце, не вернуться мне в край родной... А знаешь Сеня, жена провожала... и ревели-же бабы, жутко стало, словно в могилу опускали...

- А у нас, дядя, сыч появился и та-ак жалобно кричит... Смотрите, смотрите деревня показалась, вот бы в избу да на печь, страсть согреться хочется. А и чудные ж у них хаты, все деревянные, и люди не такие, как у нас... А правда, что у них от сырости сердце на студень схожим стало?...

- Не отставай Сеня - бить будут.

И били. Сильно били.

Как подошли к проволоке, построили по восемь, конвой по сторонам в шеренгу выстроился, и по команде: "Бегом, марш" - в ворота кинулись. А там уж концлагерное начальство душу отводит: глаза выпучили на прибывших, орут и каждого по очереди

то пинком сапога,то кулаком в живот.Ну,просто не хотелось верить,что ты человек,а не скотина пропащая...И гнали так несчастных вдоль бараков до самого лагерного края,где уж видно стало,как река Кемь в Белое море впадает.

Выровняли ряды и застыть приказали.Начальники новые появились,в бушлатах с серыми петличками,злые и страшные.Кричат и бьют,кричат и бьют...

"Эх,не слушал я старших,-грудь распинал за новую власть,свободы захотел,ну,вот и на-ж тебе свободу - посмотри на нее,покушай,наешься,наешься досыта,чтобы,если подавишься ею тут,мог бы и другим рассказать,как она выглядит - свобода эта...Сидит Иван Петрович в кино,увидел на экране знакомое по портретам лицо,захлопал в ладоши и не своим голосом кричит:"Свобода.Дождались родимые.Дае-ешь!чтобы вся Европа узнала наших... А узнает,ей-богу узнает...Интересно,выживу я, или нет?Следователь сказал,что запрячет так,что и черти моих костей не сыщут.Обещал сгноить в подвале,а вот про концлагерь смолчал.Смеялся все: "За идею говоришь?"...

- На!...Галок ловить приехал?

И заплылись у замечтавшегося парня глаза, хрустнуло что-то и кровь кап,кап,- на полыно,на песок.Наступил комроты на лужицу черную,посмотрел изподлобья...Вытянулся вдруг и заорал:

- Смирно!...Товарищ начальник перлага,поступивший этап лишенных свободы проверен по списку.Тристо шестнадцать человек и восемь женского пола.Все на-лицо!- цок,цок,руки по швам и смотрит,как овечка в черную бороду пришедшего со свитой начальника пересыльного пункта.А тот,прослушав внимательно рапорт,повернулся к строю и гаркнул: - Здорово преступная сволочь!

Молчек.Кто-то сказал:"Здравствуйте"и запнулся.

- Ах,так? Научить.

И опять били.Учили и били...

- Здорово,контра!

- Здра-а-а-а... - Не слышу - ЗДРА!!

- Вот, так. Знаете меня?

Забегали по рядам взводные, зашипели: "Курилко понимаешь гады? Ку-урилко!...

- Н-ну!
- Кури-илка!
- Громче. Отвечать, чтобы на Соловках слышно -КУРИЛКО! было!
- Так-то...

Расстреляло его ГПУ в тридцатом году, да не столько за сами преступления и зверства, как за славу о них, что разнеслася жуткой легендой далеко-далеко за пределы соловецких лагерей. А жалко. Посадить бы его надо было в железную клетку, выставить на Красной площади и перед торжественными парадами, показывать народу:- вот мол, видали? Так сильнее радуйтесь, а то выпустим...

Тяжелый выпал день, что и говорить. А сколько их предстоит впереди - волосы дыбом поднимаются. Но не окончился он этим, не дали отдохнуть. Вызвали на шаг вперед служивших до ареста в милиции, потом, в армии. Сорвали у них с шинелей петлицы, звездочки с фуражек вырвали и повели. Думали, не на расстрел-ли? Ан, нет, оказалось счастье люди имели. Как потом узнали, почти весь командный и начальствующий состав в лагерях состоял из самих же заключенных. Вот и выбирали кандидатов на них, потому, что, кто же лучше будет выслуживаться, как не свой брат попавший в беду. Экономия и верный расчет: "Я-то перевоспиталася, видишь? Может вольное начальство и к амнистии представит, а из тебя, паршивая овца, коклету сделаю. Понял?...

Свалили вещи в кучу и на работу, что потяжелее и погрязней. Смеются старожилы: "Ничего, привыкнете, та-ак то"...

Ждали, когда, наконец, потемнеет. Солнце давно скрылось. Туман опустился. Сыростью потянуло. Ветер холодный подул, с снежком, а ночи, как не бывало. Сковала сердце тоска. Удавиться, что-ли?

Эх, жизнь...

-Говоришь,белая ночь?Это,что в романсах поют и глазки к небу закатывают?А снег в мае зачем?А где поля,цветы,где воля святая?Смеётесь гады,правду с'ели,слопали её,чорту продались... Доло-ой! - не выдержал бедняга,- с ума видно спятил.

Сбились все в кучу.Смотрят на него с испугом и страшного боя ждут.Но нет,миновало.Видно и "сами" поняли,что перегнули.Схватили его подруки, повели.Остальным,на ночлег,следовать приказали.

Пришли.Рылись в куче вещей,как куры в навозе.Охали,стонали,проклинали друг друга,а всего так и не доискались,особенно,что поценней.Исчезло и олед простыл.Пишите мол и кланяйтесь,а впрочем,без лишнего барахла вам легче будет...

- Извините голубчики,ужин вам не приготовили. Не знали,что вас уже поймали и сегодня к нам пожаловать прикажут.Покорнейше просим,невзыщите...
- А ну,в барак...п у л е й !

...Темно в деревянном ящике,хоть глаза выколи.Двухэтажные нары,узкий проход,грязь и вонь. Занимали места с боем.Чемоданы и мешки в голову - ноги свисали.Жались один к другому и все равно не хватило всем места.Тогда,дневальные велели перевернуться на бок;коленями сжимали каждых пять и между ними вдавливали новых.Разместили. Приказали спать и не охать...

- Дядя,дядя,что с вами? Вы плачете - болит? А может страшно стало?
- Стыдно Сеня,стыдно стало,что я человеком родился.С тварью так не обращаются,а ведь мы все же люди...понимаешь,дорогой - люди,человеки...

- С правого бока на левый переверта-айсь:
Ж и в о !!

"Море Белое, водная ширь,-
Соловецкий былой монастырь...
И со всех концов русской земли,
Нас с любовью сюда привезли"...

Соловецкие чайки

После жестокого шторма в открытом море пережитого в трюме парохода, где заключенным от тесноты не было возможности не только прилечь, но даже сидеть, было приятно воспользоваться разрешением выйти на палубу.

Всего шестьдесят четыре километра отделяют остров Соловки от материка с его скалистыми берегами и вечным холодным ветром, а какой поразительный контраст:- берега острова покрыты яркой зеленой травой и густым смешанным лесом. Слева, в порту, виднеется белое здание управления соловецкими лагерями особого назначения /УСЛОН/, а прямо, навстречу пароходу надвигалась кремлевская стена старинного Соловецкого монастыря. Над ним, в лучах утреннего солнца, блестели золотые кресты единственной уцелевшей церкви, белели обезглавленные соборы и многоэтажные жилые дома. Легкие облака и тучи чаек дополняли эту спокойно-величавую картину.

Чайки. Они стаями поднимались с подобной перламутру воды, летели навстречу кораблю, садились на мачтах, палубных надстройках и даже на перилах бортов. Потом, точно испугавшись чего-то, с пронзительным криком взлетали, вихрем кружились над головой и вдруг улетали.

Гу-у-ууу! Протяжно запел фабричный гудок.
И снова наступила тишина.

Из еле заметного прохода в кремлевской стене вышли черные монахи, постояли, посмотрели на приближающийся пароход, печально покачали клобуками и медленно, гуськом, пошли вдоль берега.

Было удивительно в конце двадцатых годов увидеть настоящих живых монахов.

Но многому чему пришлось удивляться здесь на первых порах. Удивлялись тому, что все начальство внутренней охраны состояло только из "бывших людей" и крупных уголовников: жестокого с подвластными князя Волконского, князя Оболенского, капитана личного императорского конвоя Эрделли, адъютота осетина Хатова, одесского бандита "Буйвола" и многих других. Удивлялись роскошной карете Петра Первого, бережно хранившейся в зале бывшего Преображенского собора и тому, что в флигелях этой же церкви остались незабеленными нарисованные на стенах иконы, не смотря на то, что здесь расположилась знаменитая тринадцатая рота с её высокими диктовыми перегородками, нарами, устроенной в алтаре уборной, тюремными решетками на окнах и тысячами переходящих через неё концлагерников.

Удивлялись сохранившимся в этом, -бывшем святым, -месте, каменным мешкам, где томились царские узники и тому, что на кремлевской площади рядом с надгробным камнем последнему кошевому запорожской сечи, Петру Кальнышевскому, умершему здесь после многолетнего тяжелого заключения, стоит богато украшенная могила, бывшего всю свою жизнь свободным - Кузьмы Минина.

Но больше всего поражали чайки...

Чайки были везде: на деревьях, на крышах домов и на площадях. Летали низко, чуть-ли не садились на плечи арестантов и безбоязненно принимали из их рук хлебные крошки.

Годами приучали монахи этих диких птиц к людям. Но люди скоро научили их бояться себя...

Пришел тридцать первый год. Пайки урезали и к физическим и моральным страданиям невольников прибавились мучения голода.

"

" "

...Вы говорите, что знали лично скульптора, профессора Киевского? Я познакомился с [redacted] тринадцатой роте, когда его привезли вместе с группой украинских студентов из Киевского художественного Института отбывать здесь свой десятилетний срок. Славный был человек; славные были люди. Мы помогали друг другу чем могли, а когда профессору разрешили заняться своим излюбленным трудом и предоставили в его распоряжение комнатушку на третьем этаже здания рядом с бывшей трапезной монахов, я любил в свободное время тайком пробираться к нему и мы сидя у окна подолгу смотрели на зеркальную поверхность "Святого озера", вспоминали далекую Украину, или, что чаще было, молчали и работали он рисовал и лепил, а я писал. Потом он тяжело вздыхал, прислонялся к столу и сжимал руками голову, а я [redacted] написанное.

Прощаясь, он всегда задерживал меня: "Одну минуточку", - мы понимающе смотрели в глаза друг другу, улыбались и лезли через крышу крепостной стены. Около амбразур останавливались... С визгом вылетала из-за каменного угла чайка, делала несколько кругов и садилась против нас. Профессор доставал из кармана хлебную корку, крошил её и протягивал чайке. Она хватала из его рук крошки и проглатывала.

В амбразуре было её гнездо и в нем виднелись четыре яйца.

Вскоре вылупились птенцы. Они также привыкли к нам и все четыре чайки стали нашими лучшими друзьями и единственным для нас утешением. Мы заботились о них, как о самых дорогих близких и тосковали, когда не было возможности вылезти к ним через окно. Особенно привязался к чайкам старый профессор, он не только постоянно вспоминал, но говорил о них целый день со всеми встречными и даже с начальством. Он пользовался любым предлогом и случаем, чтобы достать какую-либо пищу для своих крылатых питомцев, а это чем дальше, становилось все труднее и труднее.

Люди стали чувствовать голод и все их мысли были заняты только едой.

Профессора начали подозревать, что он выпрашивает крохи для себя и от этого ему становилось обидно и больно. Он ввесь ушел в себя. Стал замкнут и неприветлив с знакомыми, только со мной изредка делился своим горем.

Шухновский был крупного телосложения и видно было, что ему особенно тяжело переносить ежедневное недоедание.

Однажды, придя к нему поздно вечером, я был удивлен его лукавой усмешке и таинственному шепоту с которым он начал рассказывать о том, что нашел способ избавиться от голода и как он рад, что его чайки будут теперь вечно сыты. Он лукаво прищурил глаза, посмотрел на окно и сказал: "Важна душа, не форма; уничтожив тело мы спасаем душу от тягостных забот о своей оболочке. Выгляньте в окно и вы увидете результат моего первого опыта".

Я открыл раму и взглянул вниз.

На свисающих с подоконника шнурах, привязанные за горло висели задушенные четыре чайки.

- Они всегда хотели есть и поэтому много кричали, теперь они не боятся голода и молчат. Завтра я сообщу об этом начальнику управления и надеюсь - он воспользуется моим открытием...

Я не был свидетелем, но мне рассказывали, как на другой день к профессору Шухновскому пришли доктор местной больницы и три охранника, и пригласили его итти вместе с ними к начальнику лагеря для доклада.

Профессор бережно отвязал чаек, завернул их в полотенце и пошел.

По дороге он заподозрил, что его ведут в другое место, ударил одного из охранников и бросился бежать к выходу из Кремля.

Его поймали, скрутили назад руки и уволокли.

"

" "

Двадцать первого июля в два часа ночи взводные и дневальные разбудили всех подневольных жителей Кремля. Тысячи человек стройными рядами выстроились на площади и затаив дыхание слушали стоявшего на столе в центре живого прямоугольника человека, который монотонно читал длинный список заключенных, расстрелянных и получивших дополнительные сроки за преступления совершенные ими уже здесь, в концлагере.

Среди них было много осужденных еще на три года концлагеря за убийство и употребление в пищу чаек.

Профессора Шухновского в этом списке не было. Он от голода сошел с ума и вскоре после помещения его в Соловецкую больницу, умер.

" "

Чайки теперь боялись людей и больше не появлялись в Кремле.

Они жалобно стонали и плакали летая вдали от берегов и стремительно уносились прочь, завидев вдали, приближающийся к Соловкам пароход с новыми узниками.

Её глаза

"Осенняя ночь темна,
Темнее той ночки
Встает из тумана
Видением мрачным, тюрьма"...

– Душно...

В глазах потемнело.

Черные точки...красные, оранжевые – поплыли, остановились...

– Хочется пить.

Голова склоняется все ниже и ниже. Гнутся колени...Шумит.

–Сейчас упаду...

Остановись!

Чистая, как слезы, вода.– Пей!

Ты смотришь с высокой скалы в пучину морскую и тянет тебя она. Нет сил удержаться. Хочется прыгнуть. Хочется выпить до дна...О, Лена, это твои глаза – голубые, как небо и чистые, как роса. В них можно утонуть...

– Я хочу видеть тебя. Пиши. Пиши мне сюда...

– Как тяжело! Как хочется на волю. Ведь только началась моя весна...Кругом темно и люди все чужие...

– Шесть утра. Александр, ты бредишь? На работу пора.

Медленно поднялся. Накинул бушлат и чуть не упал.

– Да что с тобою, парнишка?

Проиграла труба.

– Спеши, развод начался. Опоздаешь – будет беда.

Держась за перила, медленно спустился с третьего этажа.

Догнал дневальный:– Чуть не забыл, тебе письмо.

Вышел на крыльцо.

Холодно и жутко...

Снежные хлопья, точно рой вспуганной мошкары, мечатся в тусклом свете электрического фонаря.

Черные силуэты выстроившихся в полукруг

людей. Резкая команда и рабочая колонна двинулась к выходу из Соловецкого Кремля.

"Кругом часовые шагают лениво.
В ночной тишине то и знай,
Как стон раздается протяжно,
Тоскливо:- Слуша-ай!"...

Пройдя ворота, Александр незаметно отделился от строя и свернув влево, прижимаясь к монастырской стене, пошёл к бухте "Благословения". Каждый шаг давался с трудом. Ветер ревел и острые снежинки врезались в лицо. Пурга.

- Стой!

"Щелкнул курок.
Огни засверкали,
Забегали люди
И ожил мгновенно острог"...

Не сопротивлялся.

Привели в дежурную. Отвечал невнятно и явно бредил.

Замкнули в карцер.

В два часа пришел лекпом:- Сорок и одна десятая.-Вызвал санитара и вдвоем повели в баню.

Холодный цементный пол и еле теплая вода... Накинули халат и на босые ноги надели лапти. Шли в больницу через весь кремлевский двор.

Декабрь. Ранняя северная зимняя ночь. Сорок и одна; снег, халат и лапти. В руках зажатое письмо...

Леха на больничной койке, разорвал конверт - От неё. "Милый Саша, я люблю тебя, но мы еще так малы и нам рано думать об этом... Ты вернешься. Я буду ждать тебя"... Выпала фотография - девичье лицо с застывшей в глазах надеждой. В глазах.-Какие глаза?.. Читать дальше не мог. Скатилась слеза. Прижал к сердцу фото и забылся.

Утром смутно сознавал, что его осматривают. Врач долго что-то шептал и потом приказал нести.

Новая комната. Шесть коек, он на седьмой. Было жарко и в то же время сильно знобило.

- Новый тифозный?

- Молодой, выдержит, -подошел санитар, -Что, письмо? Хорошо. Не невеста-ль? Э, да ты земляк оказывается. Ну, друг, держись. За что попал?.. Пятьдесят восемь и пункт десятый, говоришь? Агитация, значит: "триста лет страдал, кровь проливал при царском режиме, а теперь без штанов, дескать, остались", известное дело. А у меня, брат, похуже, шпионаж пришили. Из Америки открытку от сестры получил, - до войны еще выехала, - пишет, что живет и не тужит. А при капитализме, сам знаешь, акулы разные, банкиры-кровопийцы - народу от тяжелой жизни и голода умирать там полагается, а тут, наж тебе, неувязка получилась... Я уж и так и сяк - несознательная, ошиблась мол; да где же там... четвертый год кончаю. Что?.. Акимычем зовусь... Ишь раскинулся, точно малое дитя. Спи родной, укрою и закачаю - баю баюшки-баю... У меня дома тоже такой...

Металося и бредил больной. Вспоминал семью, друзей и чаще всего, Лену свою. Почти не отходил от него Акимыч - укрывал, накладывал компресы и качал головой.

На третьи сутки прошло. Кризис миновал. А в это время, вместо семи, в палате лежало уже двадцать.

Так в тысяча девятьсот тридцатом году началась на Соловках эпидемия.

Тиф валил людей уже не единицами, а массой. Больницу забили до отказа, а новых все несли и несли. Заняли в местном театре просторное фойе, вынесли из зрительного зала стулья, поставили койки на сцене и в коридорах. Клали больных на полу в проходах и наконец, под койками.

Александра вместе с другими так же перенесли в театр. Он ничего не ел, только пил... и вдруг почувствовал голод.

- Будешь жить...

- Тебе бы теперь еды побольше, а где её взять? На баланде не скоро поправишься. Читал я в календаре, -ученые писали, -что жевать надо... Это,

так бы оказать, двести грамм черного хлеба заменяет тогда фунт мяса. Так ты, голубь, жуй. Может оно мяса и не заменит, а все же воображение будет:- внушение, значит. Говорят, помогает...

Пронесли мертвого.

- Не выдержал бедняга. Славный был человек, сердечный. Вишь, что хорошее все пропадает, а тех, что засели там...и холера не берет.

- Акимычем, покойного звали...Многим помог, себя не жалел, вот и помер...волюшки дождался.

Поднялся Александр с койки, с мертвым проститься хотел,- сделал шаг,-не устоял, упал и сознание потерял. Слабость.

На другой день разгрузку делали -всех поправившихся после первого приступа, зачислили в команду выздоравливающих.

Принесли сырую, покрывшуюся плесенью, личную одежду арестантов, хранившуюся после дезинфекции в подвале, одели вне её больных и ночью повели за Кремль. Многих, в том числе и Александра, несли на носилках. Недалеко от ворот, на узкоколейной железной дороге, стоял приготовленный для перевозки локомотив, с открытыми, засыпанными снегом, платформами. Кто имел силы, влазил на них сам, остальных же, раскачав носилки, подбрасывали санитары.

Поезд тронулся...Свистел холодный ветер, залазил под бушлаты, замораживал мокрую одежду и людей. Хлестали по телу и обсыпали снежной пылью расплоставшиеся над железнодорожным полотном ветви сосен и елей. Протяжно гудел паровоз и в такт отбивали колеса: "Так не надо, так и надо, так не надо"...

В четырех километрах от кирпичного завода, на открытом торфяном поле окруженном со всех сторон хвойным лесом, стояли сбитые наспех три деревянные барака. Неподвижно лежали на нижних нарах "доходящие" и прижимаясь друг к другу старались вверху согреться "выздоравливающие". Кормили редко и плохо. Каждый день приезжала пароконная фура и увозила мертвых.

Так проходило время.

Молодость и страстная жажда жизни, взяли верх.

Александр поправлялся. Мог уже слазить с нар и в редкие солнечные дни, сидя на пне, в сотый раз перечитывал слова надежды и теплой юношеской любви. Перед глазами глазами вставали далекие синие горы, золотые хлебные поля и алые цветы... Лена. Она сидит рядом, пышные волосы касаются его щеки, её губы шепчут: "Рано... Наша жизнь еще впереди"...

Подувший резкий ветер донес протяжный крик:

- С вещами в баню собирайся!

Шли медленно. Проваливались в сугробах. Стоя по колено в снегу, поджидали отставших.

Маленькая заводская баня за один раз вмещала не больше тридцати человек...

Раздевались, быстро мылись и голыми, стоя в холодном, покрывшемся от морозов инеем, кирпичном сарае, часами ждали сданных на дезинфекцию нательных вещей...

Назад вернулись не все.

Замерзших сложили на подводу и здесь же, в соседнем леску, свалили в неглубокую яму.

Навалянные сверху трупы согрели Александра, а попавший в голову мерзлый ком земли, вернул ему сознание. Он с усилием перевернулся, высунулся вверх и закричал: "Я жить хочу! Помогите"...

- Что еще там, опять недобитый? Лежи уж коль покалали. Все равно умрешь. Такая наша доля...

Быстро заработали лопаты насыпая новый могильный холм.

Бездонно голубое небо, как её глаза, было последним, что он увидел.

-.-

С Л О В А Р Ь

Стр. 5. **Нерпа** - Морское животное из породы тюленей.

- 6. **кремль** - Крепость сложенная из камней /кирпича/.

- 9. УСЛОН - Управл. Соловецкими Лагерями Особого Назначения.

- 10. ОГПУ -Об'единенное Госуд. Полит. Упр.

- 11. "навешать" - воровской жаргон:- набить.

- "пришить" - " " - убить.

- - шпана - мелкие воришки /хулье/.

- 12. урки - уголовн. преступн.-воры.

- каэр - контрреволюционер.

- - СЛОН - Соловецкий Лаг. Особ. Назнач.

- 14. ГУЛАГ - Главное Управл. Лагерями.

- - "жердочки" - В б. часовне при монастыре на Секирной горе, превр. в изолятор, были, м.пр., прикреплены дерев. жерди: заключенный сидел на одной так, что его ноги не касались земли, а за другую держ. руками, что служило ему единств. мер.

- 15. "лахва" - Пожива. Вольность.

- - "фараоны" - Здесь:- надзиратель, стражн.

- - "винта нарезать" - Убежать.

- - "амба" - Здесь:- конец, гибель.

- - "лягавые" - Секретные сотрудники, надсмотрщики, сост. на спецслужбе.

- "втыкать" - Работать.

- .. "аховое" - Безнадеж. /тяжелое/ положение.

- 20. "Попов остров - На берегу Белого моря, образован р. Кемь и впадающей в нее речушкой. Соединен с материком дамбой и ж.д. мостом. На нем располож. морская пристань, лесосклады и главный пересыльный лагель СЛОН.

21. саксаул - карликовое, причудливо изогнутое дерево в Ср. Азии.

- - контра - политзаключенные.

- 30. лекпом - лекарский помощник /фельдш./

- 31. баланда - похлебка, жидкий суп/.

.....-:-.....

О Г Л А В Л Е Н И Е

АЛЫЙ ЦВЕТ /Легенда/ .....Стр. 1.

СОЛОВКИ В КАЛЕЙДОСКОПЕ..... - 3.

ПОПОВ ОСТРОВ..... - 20.

СОЛОВЕЦКИЕ ЧАЙКИ ..... - 24.

ЕЕ ГЛАЗА ..... - 29.

СЛОВАРЬ ..... - 34.